

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_133
EDN RTQXKK

**Усадебный миф в литературе и живописи –
В. В. Набоков и С. А. Виноградов**

Наталья Владимировна Михаленко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. г. Москва
rinsan-tin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

Аннотация. В статье проводится интермедиаальный анализ образов усадьбы в поэтическом творчестве В. В. Набокова и живописи С. А. Виноградова. Предмет исследования обусловлен схожестью мотивного и образного ряда, символики, характерных для изображения жизни в поместье, в интерпретации поэта и художника. Сопоставление обусловлено важностью визуальной составляющей для поэзии Набокова, его интересом к живописи, увлечением энтомологией и созданием рисованных анатомических каталогов бабочек, традицией его дарственных надписей, сочетающих небольшую картинку и подпись. В статье показано, что в отдельных стихах Набокова конца 1910 и 1920-х гг. утраченный усадебный быт, который с предельной точностью сохранился в его воспоминаниях, представлен синтетической импрессионистической картиной: в пестроте красок, полифонии звуков и запахов. Поэтом создан образ красоты мимолетного счастья и гармонии жизни.

В живописи Виноградова 1907–1917 гг. был опоэтизирован усадебный быт: на многих его полотнах в неизменно теплой гамме красок, гармонии композиции изображено имение Мамонтовых Головинка Тульской губернии. В его работах и воспоминаниях, значимых как в биографическом, так и в художественном плане, отразился не только расцвет усадебной культуры, но и ее гибель в водовороте войн и революций.

Целью статьи является компаративное сопоставление произведений литературы и живописи, воспоминаний авторов-эмигрантов для выявления составляющих усадебного мифа, погибшего идиллического топоса. Показаны сходные особенности художественного метода интерпретации усадебной жизни средствами литературы и живописи, благодаря чему создается типологически близкий образ.

Ключевые слова: В. В. Набоков; С. А. Виноградов; поэзия; живопись; «усадебный» текст в литературе; образ; интермедиаальный анализ

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

© Михаленко Н. В., 2023

Для цитирования: Михаленко Н. В. Усадебный миф в литературе и живописи – В. В. Набоков и С. А. Виноградов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 133-145. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_133. <https://elibrary.ru/RTQXKK>.

Original article

**The estate myth in literature and painting –
V. V. Nabokov and S.A. Vinogradov**

Natalia V. Mikhalenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow
rinsan-tin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

Abstract. The article provides an intermediate analysis of the images of the estate in the poetic work of V. V. Nabokov and the painting of S. A. Vinogradov. The subject of the study is due to the similarity of the motivic and figurative series, symbols characteristic of the depiction of life on the estate, in the interpretation of the poet and the artist. The comparison is due to the importance of the visual component for Nabokov's poetry, his interest in painting, his passion for entomology and the creation of hand-drawn anatomical catalogues of butterflies, the tradition of his gift inscriptions combining a small picture and a signature. The article shows that in some of Nabokov's poems of the late 1910s and 1920s, the lost manor life, which was preserved with extreme accuracy in his memoirs, is represented by a synthetic impressionistic painting: in a variety of colors, a polyphony of sounds and smells. The poet created an image of the beauty of fleeting happiness and harmony of life.

In Vinogradov's painting of 1907-1917, the manor life was poetized: on many of his canvases, the Mammoth Golovinka estate of the Tula province is depicted in an invariably warm range of colors, harmony of composition. His works and memoirs, significant both biographically and artistically, reflected not only the flourishing of the manor culture, but also its death in the maelstrom of wars and revolutions.

The purpose of the article is a comparative comparison of works of literature and painting, memoirs of emigrant authors to identify the components of the manor myth, the lost idyllic topos. Similar features of the artistic method of interpreting manor life by means of literature and painting are shown, which creates a typologically similar image.

Key words: V.V. Nabokov; S. A. Vinogradov; poetry; painting; “estate” text in literature; image; intermedial analysis

This work was carried out at IWL RAS and funded by the grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Mikhalenko N. V. The estate myth in literature and painting – V.V. Nabokov and S.A. Vinogradov. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 133-145. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_133. <https://elibrary.ru/RTQXKK>.

Введение

Мифология дворянского поместья, семантика усадебных мотивов и образов – новая и актуальная тема для русской литературы и культуры в целом [Щукин, 2007; Жаглова, 2019; Дмитриева, 2008]. О. А. Богданова отмечает: «Русская классическая культура, во многом благодаря своей “усадебности”, строила себя на фундаменте сверхличного русского национально-религиозного “предания”, с его полухристиански-полуязыческим культом земли, семьи, общины, с его многомерным мироощущением, несводимым к рациональным проекциям, с его живым чувством Божественного присутствия» [Богданова, 2010, с. 18]. Многие аксиологические основы искусства XIX–XX вв. связаны с особым уединенным типом творчества в поместье, где в гармонии с природой складывалось особое философское осмысление мира.

Трудов, посвященных изучению «усадебного» текста В. В. Набокова, немного [Разумовская, 2002, Гриневич, 2016, Дмитриева, 2019]. Поэтика и символика усадьбы в его творчестве чаще всего рассматривалась в контексте интерпретации этого образа в произведениях других писателей XX века. Так, А. Г. Разумовская и О. А. Гриневич в своих статьях сопоставляли образ усадьбы в поэтических и прозаических текстах И. А. Бунина и В. В. Набокова. Раз-

умовская, проводившая сравнительный анализ стихотворений этих авторов, отмечала, что писатели, «вышедшие из дворянской среды <...> обращались к дворянскому пласту русской культуры, воплощенном в культурном мифе дворянского гнезда, осуществляя, таким образом, синтез культурной и индивидуальной памяти» [Разумовская, 2010, с. 153]. Она делала акцент на том, что «Набоков не наблюдал, подобно Бунину, запустения дворянских имений, но его ностальгия обострялась тем, что, потеряв Россию совсем молодым человеком, он расценивал эмиграцию как утрату не только родины, но и дома, семьи» [Разумовская, 2010, с. 139].

О. А. Гриневич на материале рассказа «Адмиралтейская игла» исследовала «взаимодействие литературных штампов и индивидуальной разработки усадебной традиции» Набоковым [Гриневич, 2016, с. 72]. Ей был сделан вывод, что для «набоковского варианта усадебного мифа характерно усиление семантики воспоминания, разработка проблемы личной и культурной памяти. В соответствии с эстетикой модернизма, усадьба в произведениях писателя переносится в план сознания, становится ментальным пространством памяти, в которое мысленно возвращаются герои» [Гриневич, 2016, с. 72].

Компаративный анализ произведений литературы и живописи, связанный с изображением жизни в усадьбе, новая и перспективная тема [Каждан, 1997; Три века русской усадьбы, 2004; Михаленко, 2019; Михаленко, 2020]. Подробное ее изучение позволит реконструировать целостный образ усадьбы в искусстве XIX–XX вв., выделить приемы передачи особого мировоззрения, которое характерно для традиции поместной жизни на лоне природы.

Результаты исследования

Е. Е. Дмитриева, определяя литературную тенденцию в творчестве И. А. Бунина, В. В. Набокова, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина после 1917 г., писала, что в произведениях этих писателей «усадьба обретает статус той виртуальной ценности, которая уже более не нуждается в реальной субстанции» [Дмитриева, 2008, с. 167]. Как отмечал сам Набоков, его идиллические воспоминания о детстве в усадьбе связаны не только с реальными событиями, но и с литературной традицией: «Пикники, спектакли, бурные игры, наш таинственный вырский парк, прелестное бабушкино Батово, великолепные витгенштейновские имения – все это осталось идиллически гравюрным фоном в памяти, находящей теперь схожий рисунок только в совсем старой русской литературе» [Набоков, 1991, с. 163].

В стихотворении «Весна» (1925) Набоков создал образ памяти, которая способна сохранить в нетро-

нотом виде то, что было давно утрачено (О своеобразном двоемирии Набокова см. [Scherr, 2005]):

Вдали от ропота изгнания
живут мои воспоминанья
в какой-то неземной тиши:
бессмертно все, что невозвратно,
и в этой вечности обратной
блаженство гордое души [Набоков, 1991а, с. 243].

В воспоминаниях он писал об особом свойстве своей памяти, которое позволило запомнить в точных и мельчайших подробностях все реалии усадебной жизни в России. Он упоминал, что «...еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда обойти весь парк, и старую и новую его часть, по памяти...» [Набоков, 1991, с. 530]. В памяти писателя, как на сохранившейся киноленте, отпечаталось все, что было связано с родовой усадьбой Рождествено, и этот источник впоследствии питал его тексты: «Теперь это был очаровательный, необыкновенный дом. По истечении почти сорока лет я без труда восстанавливаю и общее ощущение и подробности его в памяти... незабвенную колоннаду заднего фасада, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы моей счастливой юности» [Набоков, 1991, с. 168].

Визуальность поэзии Набокова так или иначе связана с его увлечением бабочками. Вероятно, стремление запомнить во всех нюансах

красоту насекомого, «сфотографировать» взглядом необычную раскраску трансформировалось впоследствии в яркие словесные образы: «Началось все это, когда мне шел седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона – до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугаячьим глазком на каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями» [Набоков, 1991, 460]. Кропотливая работа над энтомологической коллекцией, создание более тысячи подробнейших иллюстраций [Fine Lines, 2016], объясняющих анатомические особенности того или иного вида бабочек, – сфера деятельности, которая, вероятно, опосредованно влияла на визуальность поэтических образов автора. Также следует отметить инскрипты, которые Набоков оставлял на своих книгах. Например, дарственные надписи на обложках изданий, подаренных жене В. Е. Слоним, включали обязательно рисунок бабочки.

Многие темы, мотивы, образы, связанные с интерпретацией усадебной жизни в произведениях Набокова, сходны с теми, что были

созданы на картинах 1907–1917 гг. художника С. А. Виноградова (1869–1938) – члена Академии художеств, «Товарищества передвижных художественных выставок», объединения «Мир искусства», одного из основателей «Союза русских художников». Как отмечала искусствовед и биограф художника Н. И. Лapidус, «...годы, проведенные в Москве и частых поездках по России, были наполнены встречами с известными деятелями. Он лично знал Л. Н. Толстого, рисовал его портреты в имении дочери писателя Кочеты и Ясной Поляне. Вместе с К. А. Коровиным и Ф. И. Шаляпиным отдыхал в деревне. Был вхож в дома меценатов, коллекционеров П. И. Харитоненко, С. И. Щукина, братьев М. А. и И. А. Морозовых, Мамонтовых, дружил со многими московскими художниками. Это были лучшие страницы его жизни. Будучи в эмиграции, он опишет их в своих рассказах, создав необыкновенно яркие повествования о той жизни, когда хотелось жить и творить» [Лapidус, 2001, с. 8].

Очень часто Виноградов изображал имение Головинка в Тульской губернии, принадлежавшее Мамонтовым («В усадьбе» (1907), «Летом» (1909), «Усадьба» (1910), «Сад» (1910), «Цветник» (1910), «Весна идет» (1911)). В своих воспоминаниях он писал: «Как воодушевляла Головинка милая! Как хотел я передать в картинах ее поэ-

зию, ее радостность. Работал я настойчиво, с большим волнением. <...> Радость работы была на счастье похожа. И как же не любить мне ее, родную красавицу. И как не вспомнить о былом счастье!» [Виноградов, 2001, с. 178]. Его работы, созданные на пленэре, передают гармонию и благообразность усадебного быта, его соотносительность с природными циклами. На «усадебных» картинах Виноградова запечатлен идеал жизни, к которому он не раз обращался уже в эмиграции, в своих мемуарах: «Вот там-то я прожил и проработал большую часть жизни моей. И этот кусочек жизни светит мне до сих пор, ибо истинное счастье было и такая поэзия несказанная. Головинка – красивейшая усадьба, поэтическое дворянское гнездо со всем укладом настоящего барства. Перед домом чудесный цветник, много роз, за которыми, помимо садовника, ухаживала красивейшая из женщин – хозяйка, сама похожая на розу» [Виноградов, 2001, с. 178]. Воспоминания Виноградова о времени, проведенном в усадьбах Коровина, братьев Морозовых, Харитоненко, проникнуты таким же светом и теплом [Виноградов, 2001].

Дочь В. С. Мамонтова Софья Всеволодна Волкова вспоминала: «В нашей семье очень любили Сергея Арсеньевича – “Сергеюшку”. Мы с сестрой все детство прожили с сознанием, что Сергеюшка нам ближе многих родственников, в нашей семье все его любили и ценили, все относились как к близко-

му, любимому другу. <...> Ежегодно, лет десять подряд, лето он проводил в нашем имении Головинка, где “желтый дом в цветах” создал ему популярность, и он получал еще и еще заказы на эти красивые пейзажи» [Виноградов, 2001, с. 8].

Традиционные символы умиротворенной жизни в поместье повторяются в стихах Набокова и работах Виноградова, создавая образ усадьбы как идиллического места. Например, в стихотворении «Рай» (1925) Набокова создана картина единства человека и природы. Поэт соединяет приемы словесного рисования и «перенесения» лирического героя в пространство холста, таким образом оживляя это вербально-визуальное полотно:

Любимы ангелами всеми,
толпой глядящими с небес,
вот люди зажили в Эдеме, —
и был он чудом из чудес.
Как на раскрытой Божьей длани,
я со святою простотой
изображу их на поляне,
прозрачным лаком залитой,
среди павлинов, ланей, тигров,
у живописного ручья... <...>
Бессмертен мир картины этой,
и сладкий дух таится в нем <...>
Там по написанному лесу
тропами смуглыми брожу, —
и сокровенную завесу
опять со вздохом завожу...
(«Рай», 1925)

[Набоков, 1991 а, с. 387]

Частотен в стихах Набокова и сюжет ожившей картины. Силой

воспоминания в покинутой усадьбе вновь повторяется давно пережитое:

В полнолуние, в гостиной пыльной и пышной,
где рояль уснул средь узорных теней,

опустив ресницы, ты вышла неслышно

из оливковой рамы своей. В этом доме ветхом, давно опустелом,

над лазурным креслом,
на светлой стене

между зеркалом круглым
и шкапом белым,

улыбалась ты некогда мне. <...>

И теперь ты вышла из рамы старинной,

из усадьбы любимой, и в час тоски

я увидел вновь платя вырез невинный,

на девичьих висках завитки (1923) [Набоков, 1991а, с. 192].

Интересно, что память в стихах Набокова обладает силой восстанавливать все более мелкие подробности прежнего быта, наполнять ментальную картину новыми деталями:

Верхи берез в лазури свежей,
усадьба, солнечные пни –
все образы одни и те же,
все совершеннее они («Весна»,
1925) [Набоков, 1991а, с. 243].

Как отмечал Б. В. Аверин, в стихах Набокова «прошлое переживается с такой же непосредственностью, как настоящее» [Аверин, 2001, с. 498].

Образ летнего усадебного утра, раскрытых в парк окон характерен как для лирики Набокова, так и для картин Виноградова. Строки стихотворения «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!..» будто соответствует картине художника «В доме» (1913), где солнечное утро предстает в полифонии красок парка и отблесков цветных витражных стекол. Девочка на веранде стоит будто перед бушующим морем листвы. Виноградов передает атмосферу частной жизни, семейного уюта, покоя. Девочка не позирует, разглядывая парк. Дочь В. С. Мамонтова Софья Всеволодна Волкова вспоминала: «Меня он с самого далекого детства “пихал” во многие свои произведения, за что я неукоснительно требовала “платы”, то уздечку, то седло, то сарафан и т. д.» [Виноградов, 2001, с. 8]. Как отмечала Н. И. Лapidус, «создавая усадебные пейзажи, Виноградов много писал и интерьеры дома, в которых часто присутствует человек. Разрабатываемая художником световоздушная масса придавала изображению утонченность, эстетическую замедленность. Природа и люди воспринимаются в его картинах как единый художественный образ» [Лapidус, 2010, 146].

Такая же радость и полнота жизни, домашний уют переданы и в стихотворении Набокова «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!..» (1918):

Пусть будет снова май, пусть небо вновь синее.

Раскрыты окна в сад. На кресло, на паркет широкой полосой янтарный льется свет, и дивной свежестью весенний воздух веет.

Но чу! Вдыхает парк... Там – радость без конца, там вольные мечты сулит мне рай зеленый [Набоков, 1991а, с. 20].

В «усадебных» стихах Набокова, как и в пейзажах Виноградова, много света – солнечного или лунного. В убранстве усадебного дома создается сияющая световая переключка:

И блестящие клавиши пели ярко, и на солнце глубокий вспыхивал пол, и в окне, на еловой опушке парка, серебрился березовый ствол («В полнолуние, в гостиной пыльной и пышной...», 1923») [Набоков, 1991а, с. 192].

Практически иллюстрацией этих строк является картина Виноградова «Играет» (1914), где в солнечных лучах переливаются желтые и зеленые листья за окном, блестят клавиши фортепиано, на котором музицирует девочка, а веселое настроение создает единственный зритель – пес, сидящий на стуле.

На почти праздничной картине «Алупка» (1917) Виноградова изображено море в лучах луны. Световая дорожка, бегущая по водной глади, точно пересекает границы комнаты, входит в распахнутую дверь, где сидящие на диване женщины заморожены красотой ночного пейзажа: «...фиолетовые отсве-

ты ночного моря врываются цветными рефлексами в освещенную свечами комнату, высвечивают пол, желтую скатерть, одежду портретируемых, создавая общую цветовую гармонию» [Лapidус, 2010, с. 80]. Подобный сюжет представлен и на полотне «Южная ночь» (1915). Почти мистической кажется и картина «В беседке» (1910–1920-е). Ночь у Виноградова наполнена светом: лунные блики отражаются в воде, белое платье женщины гармонирует с цветами и стенами беседки, героиня будто заморожена этим пейзажем. Образ благоухающей ночи в «Головинке» создал художник в своих воспоминаниях: «А при самом выходе из цветника в парк, по обе стороны дорожки были большие ряды с цветами-матиолами, совсем днем невидными, начинающими жить только с вечера до утра. В сумерки вдруг они посылают такой волнующий аромат и такой сильный, что приносится издалека он к дому, к балкону, на котором сидишь в обществе очаровательной женщины-розы» [Виноградов, 2001, с. 178].

У Набокова ночь в усадьбе «Гуманна и светла», способна пробудить воспоминания, светлую грусть. В стихотворении «Сирень» (1928):

Ночь в саду, послушная волнению, нарастающему в тишине, потянулась, дрогнула сиренью, серой и пушистой при луне. Смешанная с жимолостью темной, всколыхнулась молодость моя [Набоков, 1991а, с. 230].

Солнцем и теплом, атмосферой покоя и благообразности наполнена картина Виноградова «Летом» (1909). Песочные стены дома вторят солнечным бликам, сочной зелени цветника и парка. Белизна платьев дам, светлая скатерть, букет на столе – все создает атмосферу уюта и гармонии с природой. Зритель не видит лиц героинь этой картины, точно он не должен нарушить тишину и умиротворенность их времяпрепровождения.

Почти импрессионистичные картины создает Набоков в своих стихах. Например, в стихотворении «Домой» он описывает пейзаж после дождя, ловит мгновение, наполненное запахами и звуками. Его усадебный мир предстает во всей полноте и проявленности чувств:

Жаворонок тонет
в звенящем небе, и велик,
и свеж, и светел мир, омытый
недавним ливнем: благодать,
благоуханье. Что гадать?
Все ясно, ясно; мне открыты
все тайны счастья; вот оно:
сырой дороги блеск лиловый,
по сторонам то куст ольховый,
то ива; бледное пятно
усадыбы дальней... («Домой»,
1917–1922) [Набоков, 1991а, с. 149].

Кинематографичный взгляд, необыкновенный слух лирического героя Набокова, способность «вчувствования» в природный мир позволяет услышать биение «сердца <...> каждого листка», понять «азбуку душистого ветерка»:

И ты поймешь, и слух прозрачный твой
все различит: и солнца смех летучий,
и в небе вздох блестящей легкой тучи,
и песню пчел над шепчущей травой («Сонет», 1922) [Набоков, 1991а, с. 186].

Стихи Набокова красочны, наполнены неожиданными оттенками цветов. Вероятно, это во многом связано со синестезией поэта, которая проявилась в раннем возрасте, когда он осознал, что все буквы, как русского, так и латинского алфавита, окрашены в его сознании в разные цвета. См. об этом: [Глазунова, 2012, Задорнова, 2020]. Например, в стихах «Глаза прикрою – и мгновенно...» (1923) ощущение «рая» усадьбы, уюта передается теплыми оттенками цветов, сочетанием разнообразных запахов и разноцветного шума:

И вот, над полками, гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как Божий вензель,
на венском стуле, у окна <...>
неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пестролесью,
— свист, щебетанье, гам цветной! [Набоков, 1991а, с. 190].

В стихотворении «Велосипедист» (1918) создан многоцветный образ бегущего мира:

Мне снились полевые дали,
дороги белой полоса,
руль низкий, быстрые педали,
два серебристых колеса [Набоков, 1991а, с. 141].

Красочность, яркость картин Виноградова отмечали критики: «...исключительно теплые краски палитры художника, манеру его письма, где живопись господствует над рисунком, где краски вызывают музыкальные ощущения, где тонкий мазок, часто импрессионистического свойства, придает картине изящную нервность...» [Püte, 1925]. У Виноградова была своя манера письма: он не делал этюды, писал маслом на пленэре, что позволяло передавать движение света и воздуха, тончайшие цветовые оттенки. Так, комната на картине «Солнечный свет через цветные стекла» (1916) залита цветными бликами, как бы переносимыми героиню в иное, сказочное пространство. (Вероятно, на манеру письма Виноградова повлиял В. Д. Поленов, «...занятия с которым позволили художнику увидеть в пейзаже личную тему – пленэр с эффектами закатного освещения, обрисовывающий силуэт церквей» [Поленкова, 2022, с. 5]).

Импрессионистичные по идее и технике исполнения, три картины «Весна идет», «Сад весной» (1911), «Сад осенью» (1910), на которых изображено одно и то же место – терраса усадебного дома, клумба и парк – передают очарование разных времен года. Виноградов будто хочет остановить мгновение, показать изменения пейзажа. В каждой из работ он несколько корректирует ракурс, изменяет акценты. Так, на картине «Весна идет» очень много

воздуха, свободного пространства. Белый рыхлый снег гармонично сочетается со светло-серым небом, яркие краски еще осенней листвы делают пейзаж уютным, точно подчеркивая временное забвение усадьбы. Картина «Сад весной» написана широкими мазками разных оттенков зеленого цвета: здесь и первая трава, и распускающиеся почки на кустах и деревьях – радостный «зеленый шум». Различными оттенками желтого, оранжевого, красного цвета наполнена картина «Сад осенью».

Заключение

В «усадебных» стихах Набокова и живописи Виноградова были интерпретированы близкие темы и мотивы, для создания образа благообразной жизни в гармонии с природой использованы похожие приемы.

В литературе и живописи отразились сходные составляющие «усадебного мифа»: образ утраченного рая, который сохранился в воспоминаниях, романтический топос, созданный работой воображения, символика гибели прежнего мира. Но сходное осмысление усадебной культуры дало и близость стиля, и художественного метода, что позволяет средствами интермедиального анализа сопоставить произведения разных видов искусств.

Вербальный и визуальный образы создают единый усадебный топос, миф об идеальном утраченном мире, ставшем камертоном в дальнейшей эмигрантской жизни Набокова и Виноградова.

Библиографический список

1. Аверин Б. В. Воспоминание у Набокова и Флоренского // В. В. Набоков: Pro et contra. Том 2. Санкт-Петербург : Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 485–498.
2. Богданова О. А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.
3. Виноградов С. А. Прежняя Москва: воспоминания / авт.-сост. Нина Лapidус. Рига : MultiCentrs, 2001. 215 с.
4. Глазунова С. И. Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 1. С. 276–279.
5. Гриневич О. А. Сюжет усадебной любви в произведениях И. А. Бунина и В. В. Набокова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2016. №5. С. 72–81.
6. Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова . Москва : ОГИ, 2008. 528 с.
7. Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и Хронос // Имагология и компаративистика. 2019. №11. С. 140–173.
8. Жаплова Т. М. Символизация и детализация в «усадебной» лирике И. С. Тургенева 1840 – 1870х годов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 3. С. 156–163.
9. Задорнова В. Я. Синестезия как стилистический прием в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. №1. С. 9–18.
10. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. Москва : Традиция Б. г., 1997. 319 с.
11. Лapidус Н. И. Московская среда художника // Виноградов С. А. Прежняя Москва: воспоминания / авт.-сост. Нина Лapidус. Рига : MultiCentrs, 2001. С. 7–8.
12. Лapidус Н. И. Сергей Виноградов. Санкт-Петербург : Золотой век, 2010. 488 с.
13. Михаленко Н. В. Образ усадьбы в литературе и живописи конца XIX – начала XX века // «Studia Wschodniosłowiańskie», 2019, № 19. С. 151–163.
14. Михаленко Н. В. Слово и образ: русская усадьба в поэзии и живописи символизма (К. Д. Бальмонт – В. Э. Борисов-Мусатов, А. А. Блок – З. Е. Серебрякова) // Русская словесность, № 6, 2020. С. 59–63.
15. Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Рассказы. Воспоминания / Сост., подгот. текстов, предисл. А. С. Мулярчика; Коммент. В. Л. Шохинной. Москва : Современник, 1991. С. 451–626
16. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. С. Федорова. Москва : Современник, 1991а. 574 с.
17. Поленкова Д. Н. Культурно-художественный аспект формирования творческой личности Сергея Виноградова // Universum: филология и искусствоведение. 2022. №4 (94). С. 4–7.

18. Разумовская А. Г. «И веет свежестью из сада...» последние страницы усадебного «текста» в поэзии И. А. Бунина и В. В. Набокова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 11 (54). С. 138–156.
19. Три века русской усадьбы. Живопись, графика, фотография. Изобразительная летопись. XVII–XX в. Альбом-каталог. Москва : Изд-во, 2004. 268 с.
20. Щукин В. Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва : РОССПЭН, 2007. 606 с.
21. Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art, edited by St. H. Blackwell, K. Johnson, London: Yale University Press, 2016. 336 p.
22. Scherr B.P. Nabokov as poet // The Cambridge Companion to Nabokov. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2005. P. 103–118.
23. Pūte V. Akadēmika Vinogradova gleznu izstādē <Выставка картин академика Виноградова> // Latvijas Sarge. 1925. No 290.

Reference list

1. Averin B.V. Vospominanie u Nabokova i Florenskogo = Memories in Nabokov and Florensky // V.V. Nabokov: Pro et contra. Tom 2. Sankt-Peterburg : Russkij hristianskij gumanitarnyj institut, 2001. S. 485–498.
2. Bogdanova O.A. «Usadebnaja kul'tura» v russkoj literature XIX – nachala XX veka. Sociokul'turnyj aspekt = "Estate culture" in Russian literature of the XIX – early XX century. Sociocultural aspect // Novyj filologičeskij vestnik. 2010. № 2 (13). S. 14–25.
3. Vinogradov S.A. Prezhnjaja Moskva: vospominanija = The former Moscow: memories / avt.-sost. Nina Lapidus. Riga : MultiCentrs, 2001. 215 s.
4. Glazunova S.I. Cvet i zvuk kak komponenty kritičeskikh rabot Vladimira Nabokova = Colour and sound as components of Vladimir Nabokov's critical works // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2012. № 1. S. 276–279.
5. Grinevich O.A. Sjuzhet usadebnoj ljubvi v proizvedenijah I.A. Bunina i V.V. Nabokova = The plot of estate love in the works by I.A. Bunin and V.V. Nabokov // Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Draft: molodaja nauka. 2016. №5. S. 72–81.
6. Dmitrieva E.E. Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obretnennyj raj = The life of the estate myth: lost and found paradise / E.E. Dmitrieva, O.N. Kupcova . Moskva : OGI, 2008. 528 s.
7. Dmitrieva E.E. Russkaja usad'ba: semantika, topos i Hronos = The Russian estate: semantics, topos, and Chronos // Imagologija i komparativistika. 2019. №11. S. 140–173.
8. Zhaplova T.M. Simvolizacija i detalizacija v «usadebnoj» lirike I. S. Turgeneva 1840 – 1870h godov = Symbolization and detailing in I. S. Turgenev's "estate" lyrics of 1840 – 1870s // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki. 2019. № 3. S. 156–163.
9. Zadornova V.Ja. Sinestezija kak stilističeskij priem v proze V. Nabokova i vozmožnosti ego peredachi na drugom jazyke = Synesthesia as a stylistic device in V. Nabokov's prose and the possibilities of its translation into another language // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2020. №1. S. 9–18.
10. Kazhdan T. P. Hudožestvennyj mir russkoj usad'by = The Russian estate artistic world. Moskva : Tradicija B. g., 1997. 319 s.

11. Lapidus N.I. Moskovskaja sreda hudozhnika = The artist's Moscow environment // Vinogradov S.A. Prezhnjaja Moskva: vospominanija / avt.-sost. Nina Lapidus. Riga : MultiCentrs, 2001. S. 7–8.
12. Lapidus N.I. Sergej Vinogradov = Sergei Vinogradov. Sankt-Peterburg : Zolotoj vek, 2010. 488 s.
13. Mihalenko N.V. Obraz usad'by v literature i zhivopisi konca XIX – nachala XX veka = The estate image in literature and in painting at the end of XIX- early XX centuries // «Studia Wschodniosłowiańskie», 2019, № 19. S. 151–163.
14. Mihalenko N.V. Slovo i obraz: russkaja usad'ba v poezii i zhivopisi simbolizma (K.D. Bal'mont – V.Je. Borisov-Musatov, A.A. Blok – Z.E. Serebrjakova) = Word and Image: Russian estate in Symbolism poetry and painting (K.D. Balmont – V.E. Borisov-Musatov, A.A. Blok – Z.E. Serebryakova) // Russkaja slovesnost'. № 6. 2020. S. 59-63.
15. Nabokov V.V. Drugie berega = Other Shores // Nabokov V.V. Rassказы. Vospominanija / Sost., podgot. tekstov, predisl. A.S. Muljarchika; Komment. V. L. Shohinoy. Moskva : Sovremennik, 1991. S. 451–626
16. Nabokov V.V. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems / Sost., vstup. st., podgot. tekstov i primech. V.S. Fedorova. Moskva : Sovremennik, 1991a. 574 s.
17. Polenkova D.N. Kul'turno-hudozhestvennyj aspekt formirovanija tvorcheskoj lichnosti Sergeja Vinogradova = Cultural and artistic aspect of forming Sergey Vinogradov's creative personality // Universum: filologija i iskusstvovedenie. 2022. №4 (94). S. 4–7.
18. Razumovskaja A.G. «I veet svezhest'ju iz sada...» poslednie stranicy usadbnogo «teksta» v poezii I.A. Bunina i V.V. Nabokova = “And freshness winds from the garden...” the last pages of the estate “text” in I.A. Bunin's and V.V. Nabokov's poetry // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2010. № 11 (54). S. 138–156.
19. Tri veka russkoj usad'by. Zhivopis', grafika, fotografija. Izobrazitel'naja letopis'. XVII–XX v. = Three centuries of the Russian estate. Painting, graphics, photography. Pictorial chronicle. XVII-XX c. Al'bom-katalog. Moskva : Izd-vo, 2004. 268 s.
20. Shhukin V.G. Rossijskij genij prosveshhenija: issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej. = The Russian enlightenment genius: studies in mythopoeitics and the history of ideas. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 606 s.
21. Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art, edited by St. H. Blackwell, K. Johnson, London: Yale University Press, 2016. 336 p.
22. Scherr B. P. Nabokov as poet // The Cambridge Companion to Nabokov. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2005. P. 103–118.
23. Pūte V. Akadēmiķa Vinogradova gleznu izstādē <Vystavka kartin akademika Vinogradova> // Latvijas Sarge. 1925. No 290.

Статья поступила в редакцию 30.09.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 30.09.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023